

ПАМЯТЬ, ТЫ ДОЛЖНА

Меня всегда интересовала история родного села Соцгородок, история освоения Еврейской автономной области.

Елена МАРУНДИК, г. Хайфа, Израиль.

Биробиджанер Штерн. 52 (14419). 30.12.2014

Снитивкер Сурка и Альтер

Работая в средней школе с. Камышовка, мы с коллегами изучали историю села, легендарной коммуны ИКОР, побывали в архивах Смидовичского района, военкомата, в областном архиве. Помню свое волнение, когда держала в руках кальку с планом застройки Соцгородка. Неудавшимся планом. Мы перелистали кучу книг и газетных статей, встречались со старожилом села Ковалем, и лишь много времени спустя я поняла, что все это было неправильно и непродуктивно. А нужно было просто войти в свой дом и расспросить своих родителей и родственников, родителей друзей, потому что они и есть история села. И не только села, но и области, и страны. Как бы пафосно это ни звучало.

К сожалению, понимание этого пришло тогда, когда и расспрашивать стало практически некого. И как хорошо, что я успела записать хотя бы воспоминания моего отца Григория Пензура, потому что ему уже 86, а память человеческая не вечна.

Очень приятно было осознавать, что эти воспоминания оказались еще кому-то нужны и дороги. После публикации этих записок в газете «Биробиджанер штерн», создания группы «Соцгородок» в соцсети я стала получать письма. И от людей пожилых, для которых это был привет из былых времен, и, что особенно радостно, от молодых, которые смогли заглянуть в прошлое и поближе узнать и понять своих родных. А еще как дар всем нам, односельчанам, – фотографии из семейных архивов.

И тут уже мои дети и старшая внучка стали подгонять меня расспросами о семье. Сколько же удивительных открытий было сделано! Начну с совершенно потрясшей меня истории моей бабушки Мани, Малки Бондарь. Ее трагическая история неотрывна от истории страны. Бабушка родилась в семье испанских евреев, в городе Мурильо. Сейчас уже никто не может сказать, когда и как ее семья оказалась на Украине и где именно жила. Где-то в Винницкой области. Слишком малы были Малка, ее сестра и двое братьев, когда их родителей и четверых старших детей убили при погроме. Четверо младших попали в приют. Даже имен бабушкиных родителей мы не знаем точно, предположительно, Фейга и Мойша. Зато на стене в бабушкином доме всегда висел портрет тети Сурки, сестры отца. Она и ее муж Альтер Снитивкер забрали четверых сирот из приюта, да еще четверых таких же бедолаг, но родных со стороны мужа. Восьмерых детей поставили на ноги, да еще и соседям умудрялись помогать. За доброту и милосердие в Лучинцах, где они жили, Сурку прозвали «пипиха» («поповна»). Спасший одну душу спасает целый мир, а они спасли восьмерых. Благословенна их память!

В 1939 году бабушка с мужем Шмилом Исааковичем Бондарем и тремя малыми детьми приезжают на Дальний Восток. Несколько дней в Биробиджане, а затем – ИКОР-Соцгородок. Дед родом из местечка Озаринцы, там он работал столяром-краснодеревщиком. А дальше начинаются вопросы. В руках у меня фото 1939 года. На нем запечатлены дед с другом во время учебы на курсах механической деревообработки в Семеновском техникуме. На обороте надпись: «На память от Передникова И.С., с которым вместе учились и осваивали Дальний Восток». Молодые, красивые, образованные. Вся жизнь впереди. Через три года деда не стало. Из-за плохого слуха его не взяли на фронт, а отправили на строительство авиационного завода в Комсомольск-на-Амуре. Его и еще нескольких человек из поселка. Вернулся только мой дядя, Константин Пензур. Дед был убит. Бабушка осталась одна с четверьмя детьми. Вытянула всех. Я попыталась выяснить судьбу дедушкиного друга – и очередное потрясение! Всезнающий Интернет выдал вот эту информацию: «Передников Исаак Самойлович 1915 г.р. Место рождения – Украина, г. Первомайск Николаевской области. Один из первых стахановцев нашей области, работал в артели им. Димитрова фрезеровщиком, выполнял норму на 530%. В 1941 призван на фронт, п/п 32154. В 1942 году пропал без вести. Радист. Жена Козодой Броня Моисеевна. В Биробиджане проживал по адресу ул. Калинина, 39. Член ВКП/б/ с 1938 года». Первый вопрос: может, его дети, внуки до сих пор живут в Биробиджане и кому-то дорого это фото? Я думаю, что это – тот самый Передников, слишком много совпадений. Второй вопрос: скорее всего, на курсы их отправили уже с Дальнего Востока, есть групповое фото, кто на нем?

Поиски привели меня к встречам, сначала виртуальным, потом и реальным, с моими родственниками, дальними и не очень, с которыми я ранее не общалась, но всегда знала об их существовании. И вот мы немалой российско-израильской компанией потомков нашего прадеда Ицика Бондаря, как его звали в Озаринцах – ребе Ицика, в Иерусалиме, в гостях у патриарха, самого старейшего в нашей семье Зейлека (Захара) Мойшевича Бондаря. Ему накануне исполнилось 90 лет. И уже наши внуки, раскрыв рты, слушают рассказ о его родном местечке Озаринцы, о многочисленной родне. Мы впервые слышим о гетто в Озаринцах, через которое прошли наши родные и откуда бежал 15-

летний Зейлек, о концлагере Печора, откуда он тоже бежал и ушел воевать, о его трех ранениях, после одного из которых он ослеп на один глаз. Но это не помешало ему вернуться на фронт. Зная, что родные бабушки погибли при погроме в той же Винницкой области, задаю Зейлеку вопрос: «Как украинские жители села вели себя в годы войны?». И опять слышу подтверждение тому, что нет плохих наций, а есть плохие люди. Одни пытались помочь соседям-евреям и передать в гетто еду и одежду, другие в это время грабили оставленные еврейскими семьями дома. Когда оставшихся в живых евреев освободили из гетто, их дома были пусты. Украдено было все.

Слушая Зейлека Мойшевича, я опять возвращалась к мысли – вот она, сама история говорит с нами. Украинский, Белорусский фронты, освобождение Будапешта, Кенигсберг, переезд через всю страну на Японский фронт. А затем еще одна веха в истории нашей страны – строительство БАМа, работа машинистом на перегоне Ерофей Павлович – Сквородино. И только потом переезд и высокая должность в Калуге... Когда ветеран достал парадный костюм для торжественной семейной фотографии, открылись рты не только у младшего поколения – столько мы увидели наград. А мой сын прикрепляет к пиджаку Зейлека Мойшевича только что присланную из Белоруссии, еще новенькую медаль за освобождение страны. Мы рассматриваем удостоверение на орден Красной Звезды и бережно берем в руки справки о ранениях, рассыпающиеся от старости. И расспрашиваем, расспрашиваем, пока мой внук шепотом не упрекает отца, что мы совсем замучили деда. А я еще раз благодарю судьбу за то, что успели, хоть и поздно, услышать, спросить, познакомить детей и внуков с самой Историей.

А потом до поздней ночи сидим на кухне с моим троюродным братом и делимся крупицами воспоминаний и знаний о своих дедах. Он загорается мыслью побывать в Озаринцах, где еще сохранилось старое еврейское кладбище, на могиле прадеда. И добраться до Майами, где живут потомки старшего из его детей, Бена, уехавшего в Америку еще в 1917 году. И с Дальним Востоком нас так многое связывает. А я точно знаю, что и в Израиль он еще вернется, потому что здесь обосновалась большая часть семьи...

Через некоторое время моя внучка, выполняя школьное задание после посещения музея «Лохамей гетаот» («Воины гетто»), рассказывает о Зейлеке, о нашей семье. И это греет мне душу. Значит, не напрасны все мои поиски. Значит, дети будут помнить своих предков и гордиться ими.

А еще благодаря этим поискам у нас теперь есть два очень дорогих «трофея», предметы особой моей гордости. Это снимки двух очень близких и дорогих мне людей, которых я никогда не видела раньше, даже на фотографиях: моего деда Исроэля Пензура, одного из основателей Соцгородка и моего прадеда Ицика Бондаря.

Казалось бы, то, что я рассказала, – история сугубо семейная. Но... Вот это «но» все время не дает мне покоя. Почему мы не спрашивали своих родных, почему они сами нам не рассказывали о своей жизни? Хочется обратиться к старшему поколению. Вы столько видели, столько вынесли на своих плечах! Это не должно уйти вместе с вами. Ваши внуки не должны повторять, как я сейчас: «Ну почему нам об этом не рассказывали?!»

Точно могу сказать, что мои поиски не закончены. Слишком много еще белых пятен в истории семьи. Например, я еще не нашла следов моего дяди Бориса Пензура, ушедшего на фронт из Соцгородка и пропавшего без вести. Да мало ли чего неожиданного может оказаться в семейной истории.